

Наумов Максим Викторович

"ФАКТИЧЕСКОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ" И ДОСТАВЛЕНИЕ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Автором исследуется не имеющий нормативного объяснения вопрос "фактического задержания" и доставления лица по подозрению в совершении преступления, в частности срок, с которого следует отсчитывать реальное ограничение свободы. Рассматриваются доктринальные подходы, сложившиеся в теории права об уголовно- или административно-правовой природе норм, могущих лежать в основании правового механизма фактического задержания. Предлагается внести изменения в порядок осуществления "фактического задержания" и доставления лица, а также новеллы в ст. 5 и 91 УПК РФ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 110-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Ахмедова Т. Т. Политические и экономические аспекты глобализации // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 72-80.
2. Валлерстайн И. Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис. 2008. № 2. С. 3-56.
3. Вебер А. Б. Корпоративная глобализация и ее оппоненты // Полития. 2002. № 2. С. 22-36.
4. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16.
5. Гречко П. К. Феномен глобализации как социокультурная проблема // Глобализация и мультикультурализм: монография / отв. ред. Н. С. Кирабаев. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 8-31.
6. Мальковская И. А. Поликультурное общество в фокусе плюралистической парадигмы: стабильность и коммуникация // Глобализация и мультикультурализм: монография / отв. ред. Н. С. Кирабаев. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 98-124.
7. Эпштейн М. Н. Философия возможного. Культура [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/epstein_possiblephilo/ch40_iii.html (дата обращения: 17.09.2013).
8. Якунин В. Новый мировой класс – вызов для человечества [Электронный ресурс] // Свободная мысль. URL: <http://svom.info/entry/235-novyy-mirovoj-klass-vyzov-dlya-chelovechestva/> (дата обращения: 29.11.12).
9. Bauman Z. Globalization: the Human Consequences. Cambridge: Polity, 1998. 136 p.
10. Ross J. China Has Overtaken the US to Become the World's Largest Industrial Producer [Электронный ресурс]. URL: <http://ablog.typepad.com/keytrendsinglobalisation/2013/09/china-has-overtaken-the-us.html> (дата обращения: 16.09.2013).
11. Ross J. China, Not the US, Is the World's Financial Superpower [Электронный ресурс]. URL: <http://ablog.typepad.com/keytrendsinglobalisation/2013/05/china-not-the-us-is-the-worlds-financial-superpower.html> (дата обращения: 16.09.2013).
12. Tomlinson J. Globalization and Cultural Analysis // Held D., McGrew A. G. Globalization Theory: Approaches and Controversies. Cambridge: Polity, 2007. P. 148-168.

AMBIVALENCE OF GLOBALIZATION AND NEW WAY OF DEVELOPMENT

Muzykina Elena Valentinovna

Zaoksk Christian Institute of Humanities and Economics
m_yelena73@mail.ru

The article considers some aspects of globalization process in modern society and attention is paid to the ambivalence of some characteristics of this complex phenomenon. Along with transculturization attention is paid to an equalizing-globalism model. The preconditions, which influenced the formation of the globalization model widely described in modern science, are singled out. The author introduces a number of new tendencies in the economic and social life of the world society that point at the possibility of globalization according to another model.

Key words and phrases: globalization; culture; transculturization; westernization; globalization of eastern type.

УДК 343.1

Юридические науки

Автором исследуется не имеющий нормативного объяснения вопрос «фактического задержания» и доставки лица по подозрению в совершении преступления, в частности срок, с которого следует отсчитывать реальное ограничение свободы. Рассматриваются доктринальные подходы, сложившиеся в теории права об уголовно- или административно-правовой природе норм, могущих лежать в основании правового механизма фактического задержания. Предлагается внести изменения в порядок осуществления «фактического задержания» и доставки лица, а также новеллы в ст. 5 и 91 УПК РФ.

Ключевые слова и фразы: задержание подозреваемого; мера уголовно-процессуального принуждения; фактическое задержание; доставка; порядок фактического задержания и доставки подозреваемого.

Наумов Максим Викторович

Хабаровский пограничный институт ФСБ России
yjhl@mail.ru«ФАКТИЧЕСКОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ» И ДОСТАВЛЕНИЕ ЛИЦА
ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ[©]

В соответствии с УПК РФ, задержание подозреваемого – это мера уголовно-процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Момент же фактического задержания – это момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п.п. 11, 15 ст. 5 УПК РФ) [11]. Однако, сделав ключевым в определении задержания подозреваемого (п. 11 ст. 5 УПК) указание на то, что срок задержания исчисляется «с момента его фактического задержания» (п. 15 ст. 5 УПК РФ), законодатель, к сожалению, не дал никаких разъяснений по поводу того, а что же следует понимать под самим определением «фактическое лишение свободы передвижения лица» [Там же].

Так, УПК РФ лишь только регламентирует порядок задержания с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, после чего в срок не более 3-х часов должен быть составлен протокол задержания (ст. 92 УПК РФ) [Там же]. Время же с момента фактического лишения свободы передвижения лица, его доставления к месту производства предварительного расследования полностью выпадает из области регулирования УПК РФ.

О том, что временной интервал между «фактическим» и «процессуальным» задержанием представляет собой «правовую неопределенность» и «правовую пустоту», процессуалисты отмечали и ранее [9, с. 15]. Однако, несмотря на то, что данная проблема обсуждается в научных кругах и среди практических работников достаточно давно, к сожалению, никаких положительных изменений в законодательство РФ эти дискуссии до сих пор не внесли.

В научной литературе мнения ученых относительно этой проблемы можно разделить на три основные группы: первую группу представляют те авторы, которые разделяют позицию, что «фактическое задержание» и доставление лица с самого начала носят уголовно-процессуальный характер и должны стать составными частями, этапами уголовно-процессуального задержания (тогда его срок вполне обоснованно будет исчисляться с момента фактического лишения человека свободы) [1, с. 21; 4, с. 30; 5, с. 220]; вторая группа авторов видит в «фактическом задержании» и доставлении действия изначально административные. И лишь оформление протокола задержания подозреваемого, по мнению одних ученых, является действием уголовно-процессуальным, а по мнению других, оно дополнительно придает процессуальный характер предшествующим «фактическому задержанию» и доставлению [2, с. 29; 3, с. 84; 10, с. 191]; третья же группа утверждает, что «фактическое задержание» лица, его доставление и производимая затем проверка причастности к преступлению являются самостоятельной, доследственной и допроцессуальной деятельностью, которую следует разграничивать с задержанием как меры процессуального принуждения, и время ограничения свободы в этот период не включать в общий срок уголовно-процессуального задержания [6, с. 151; 8, с. 5].

В связи с этим, в науке уголовного процесса были сформированы две основных позиции относительно того, какой отраслью права должны быть урегулированы «фактическое задержание» и доставление.

Так, по мнению первой группы ученых, «фактическое задержание» и доставление лица, как и процессуальное задержание, следует регламентировать единым законом – УПК РФ. Вторая же группа предполагает, что все предшествующие уголовно-процессуальному задержанию действия необходимо рассматривать в рамках других правовых режимов, в том числе и административно-правовых.

Рассматривая первую точку зрения, следует отметить, что в данном вопросе суждения ученых также неоднозначны. Так, часть авторов считает вполне целесообразным «фактическое задержание» и доставление сделать самостоятельными (допроцессуальными) действиями и не включать время, затраченное на их осуществление, в срок процессуального задержания. Однако с этим трудно согласиться, так как все действия, порядок которых регулируется УПК РФ в соответствии с п. 32 ст. 5, уже являются процессуальными, тем более что закон также предусматривает проведение отдельно взятых действий и до возбуждения уголовного дела, в том числе, в связи с проверкой сообщения о преступлении. По нашему мнению, к числу именно таких действий, можно отнести «фактическое задержание» и доставление [11].

Другие же авторы, наоборот, считают, что «фактическое задержание» и доставление лица должны быть включены в единую процедуру процессуального задержания. При этом данные действия либо станут составными частями задержания как меры процессуального принуждения, следовательно, ее необходимо будет допустить до возбуждения уголовного дела, что на наш взгляд, неприемлемо; либо «фактическое задержание» и доставление станут факультативными действиями, так называемым начальным этапом в общей процедуре задержания подозреваемого, после чего при наличии возбужденного уголовного дела может быть применена мера процессуального принуждения – задержание подозреваемого. Срок же «фактического задержания» и доставления при этом будет включаться в общий срок задержания. Представляется, что данная позиция более приемлема, так как удовлетворяет и сторонников уголовно-процессуальной регламентации «фактического задержания» и доставления, и в то же время не допускает применения меры принуждения, связанной с ограничением свободы, до возбуждения уголовного дела.

Анализируя мнение ученых о возможности урегулирования «фактического задержания» и доставления лица административно-правовыми режимами, считаем необходимым отметить следующее: действительно, вопросы задержания административным законодательством регулируются более детализировано. Так, в главе 27 КоАП РФ «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» закреплено, что кроме составления протокола об административном задержании лица уполномоченное должностное лицо обязано также составить протокол доставления [7].

Однако предполагать, что за счет этих административно-правовых процедур можно компенсировать порядок производства «фактического задержания» и доставления лица по подозрению в совершении преступления, не совсем верно. Во-первых, данные процедуры вообще не регулируют эти правоотношения, т.к. они возникают вне рамок института подозрения; во-вторых, целью административного доставления, согласно КоАП РФ, является составление протокола об административном правонарушении при отсутствии возможности его составления на месте выявленного правонарушения [Там же].

Теоретически использовать такой вариант возможно лишь только в случае, если на момент «фактического задержания» лица не представляется возможным установить, признаки какого состава правонарушения содержатся в его действиях: административного или уголовного, то есть когда имеет место так называемая

«пограничная» ситуация (например, при задержании за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или нарушении установленного порядка пересечения Государственной границы и т.д.).

Однако если же при задержании лица собранные фактические сведения изначально предполагают, что совершено преступление, то оформление всех действий с «задержанным» на основании административно-правовых норм изначально будет считаться нарушением действующего законодательства. Следует категорически возразить на такое использование административно-правовых процедур в подобных ситуациях, еще раз констатируя, что производство по делам о преступлениях необходимо вести только в уголовно-процессуальном порядке.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что процесс «фактического задержания» и доставления лица по подозрению в совершении преступления в настоящее время находится не только вне рамок уголовно-процессуального регулирования, но он также недостаточно регламентирован нормами других отраслей действующего законодательства, а следовательно, нуждается в уточнении.

К сожалению, и правоприменительная практика не предлагает однозначного решения вышеуказанного вопроса. Так, анализ уголовных дел, изученных нами¹, показал, что «момент фактического задержания» лица в уголовно-процессуальном порядке определяется моментом составления следователем (дознавателем) протокола задержания подозреваемого, что в общем соответствует Закону. Однако предшествующие действия, связанные с «захватом» и доставлением лица, практически во всех случаях осуществляются либо в административном порядке, либо в порядке выполнения гражданского, общественного долга потерпевшим, очевидцами и иными лицами, т.е. действиями, не имеющими никакого отношения к процессуальному задержанию.

Абсолютно другой порядок задержания следственная практика применяет в случае вынесения постановления о задержании лица следователем по уголовному делу, находящемуся в его производстве. В этом случае задержание, включая «захват» и доставление, с самого начала имеет уголовно-процессуальный характер, а потому моментом фактического задержания здесь будет начало реального ограничения свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

Таким образом, в настоящий момент и в следственной практике процесс «фактического задержания» и доставления лица по подозрению его в совершении преступления до возбуждения уголовного дела также находится вне рамок уголовно-процессуального законодательства.

В этой связи представляется необходимым дополнить главу 12 УПК «Задержание подозреваемого» статьями, определяющими субъектный состав и порядок «фактического задержания» и доставления подозреваемого. Так, например, к числу лиц, имеющих право на осуществление фактического задержания и доставление лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, следует отнести: 1) сотрудников органа безопасности или иных компетентных органов, наделенных в соответствии с федеральными законами РФ правом задержания лиц по подозрению в совершении правонарушения; 2) граждан, застигших лицо при совершении преступления или непосредственно после его совершения либо иным образом располагающими достоверными и достаточными данными, позволяющими обоснованно подозревать конкретное лицо в совершении преступления.

В порядке «фактического задержания» и доставления лица, подозреваемого в совершении преступления, должны быть предусмотрены незамедлительное сообщение задержанному, по подозрению в совершении какого преступления он задержан, и разъяснение его процессуальных прав. Время фактического задержания и доставления должны фиксироваться в документах, составляемых по итогам проведения этих действий, – например, в протоколе доставления.

«Фактическое задержание» и доставление должны рассматриваться как своеобразный начальный этап в общей процедуре задержания подозреваемого, после которого при наличии возбужденного уголовного дела как следующий этап может быть применена мера процессуального принуждения – задержание подозреваемого.

В качестве модели процессуального порядка «фактического задержания» и доставления лица, подозреваемого в совершении преступления, считаем возможным предложить следующее: сотрудник органа безопасности или иного компетентного органа, осуществивший «фактическое задержание лица», подозреваемого в совершении преступления, незамедлительно на месте задержания обязан сообщить задержанному, по подозрению в совершении какого преступления он задержан, и разъяснить ему в доступной форме основные процессуальные права подозреваемого. При задержании лица иным гражданином последний обязан незамедлительно уведомить о произведенном задержании сотрудников органа безопасности или иного органа дознания либо – при невозможности такого сообщения – самостоятельно принять меры к доставлению задержанного в орган безопасности или иной орган.

В этом случае сообщение задержанному сведений о том, по подозрению в совершении какого преступления он задержан, и разъяснение основных процессуальных прав подозреваемого после краткой предварительной

¹ Здесь и далее приводятся данные по результатам исследования 80 уголовных дел за 2001-2013 г., хранящихся в архивах Сахалинского, Приморского и Хабаровского областных судов, Южно-Сахалинского городского суда, городских судов Владивостока и Хабаровска, УФСБ России по Сахалинской области, ПУ ФСБ России по Сахалинской области, УФСБ России по Хабаровскому краю, ПУ ФСБ России по Хабаровскому краю и ЕАО. Так, в 86% случаев «момент фактического задержания» лица в уголовно-процессуальном порядке определяется моментом составления следователем (дознавателем) протокола задержания подозреваемого. В 75% случаев предшествующие действия, связанные с «захватом» и доставлением лица, осуществляются либо в административном порядке, либо в порядке выполнения гражданского, общественного долга потерпевшим, очевидцами и иными лицами. В 25% задержание осуществляется по вынесенному постановлению о задержании лица следователем по уголовному делу, находящемуся в его производстве.

оценки ситуации должен произвести сотрудник органа безопасности или иного компетентного органа, к которому обратился гражданин, либо дежурный соответствующего органа, куда произведено доставление задержанного частным лицом.

Доставление задержанного в соответствующий орган должно быть осуществлено в возможно короткий срок, после чего доставивший сотрудник составляет протокол доставления, в котором делается отметка о разъяснении доставленному сущности подозрения и его процессуальных прав.

В протоколе доставления указываются дата, время и место составления протокола, сведения о задержанном лице, дата, время и место его фактического задержания, основания подозрения, результаты досмотра лица, а впоследствии – и решение, принятое по окончании срока доставления. Если доставление было произведено частным лицом, то названный протокол оформляется дежурным на основании письменного объяснения доставившего гражданина об обстоятельствах задержания. Срок нахождения лица в связи с его доставлением по подозрению в совершении преступления возможно именовать «сроком доставления» и следует исчислять с момента фактического задержания лица до принятия одного из следующих решений: об уголовно-процессуальном задержании, об административном задержании или освобождении. Доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок, однако ограничивать его каким-либо верхним временным пределом считаем нецелесообразным, так как с учетом специфики отдельных регионов России он может варьироваться от меньшего к большему. Срок доставления не должен включаться в общий срок уголовно-процессуального задержания.

После доставления лица в орган дознания или к следователю в срок не более 3-х часов должен быть составлен протокол задержания. Однако в случае необходимости следует предусмотреть более длительный срок. Такое предложение обусловлено возможностью дополнительных временных затрат на получение доказательств подтверждения либо опровержения оснований процессуального задержания лица и оценки целесообразности этого (например, получение заключения специалиста о содержании в веществе, изъятом у доставленного лица, наркотических средств или психотропных веществ и их прекурсоров).

С учетом изложенного считаем целесообразным ст. 5 УПК РФ дополнить следующим определением: ***«Доставление, то есть принудительное препровождение физического лица с целью пресечения совершенного им правонарушения, производства с ним предварительного разбирательства, направленного на выяснение обстоятельств правонарушения, установления личности лица, а также составления протокола задержания при невозможности его составления на месте выявления правонарушения до возбуждения уголовного дела»***. А учитывая то обстоятельство, что в связи с введением вышеуказанного определения возникает необходимость изменить общий порядок задержания подозреваемого, предлагаем ч. 1 ст. 92 УПК РФ изложить в следующей редакции: ***«Лицо может быть доставлено в орган дознания, к дознавателю, следователю для проведения проверки обстоятельств происшествия, выяснения причастности к совершенному деянию, установления в деянии признаков преступления, о чем составляется протокол, в котором указываются время и основания доставления в орган дознания. После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 настоящего Кодекса»***.

Таким образом, институт «доставления» станет самостоятельным элементом общего порядка задержания подозреваемого, ограничивающего свободу передвижения лица, но ни в коей мере не связанным с его изоляцией от общества, а также осуществляемым при необходимости до возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Абдрахманов Р. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. 2003. № 3. С. 20-23.
2. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК Российской Федерации: учебное пособие. М.: Следственный комитет при МВД России, 2003. 63 с.
3. Гайдышева М. Г. Правовое регулирование обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при применении мер уголовно-процессуального принуждения: дисс. ... к.ю.н. Калининград, 2005. 207 с.
4. Гуляев А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен, 2002. 976 с.
5. Журавлев Р. А., Цоколова О. И. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Радченко. М.: Юстицинформ, 2004. 1040 с.
6. Коврига З. Ф. Уголовный процесс России: учебное пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. 445 с.
7. Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Круглов И. В., Бопхоев Х. В. Фактическое задержание и доставление лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Российский следователь 2005. № 5. С. 2-5.
9. Пантелеев И. А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральский институт МВД России, 2000. 150 с.
10. Серова Е. Б. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 653 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

“ACTUAL ARREST” AND DELIVERY OF INDIVIDUAL ON SUSPICION OF CRIME COMMISSION**Naumov Maksim Viktorovich***Khabarovsk Frontier Institute of Federal Security Service of Russia
yjhlff@mail.ru*

The author studies the issue of the “actual arrest” and delivery of the individual on suspicion of crime commission that has no normative explanation, and in particular the period, from which the real limitation of freedom should be counted. Doctrinal approaches developed in the theory of law on the criminal- or administrative-legal nature of the norms that underlie the legal mechanism for actual arrest are considered. The author proposes to amend the procedure for the “actual arrest” and delivery of the individual, as well as new statutes in Art. 5 and 91 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Key words and phrases: arrest of suspect; measure of criminal procedural compulsion; actual arrest; delivery; order of actual arrest and delivery of suspect.

УДК 130.2(51-7):213+7.04

Культурология

В статье анализируются постулаты священных текстов и сакральные артефакты ряда теистических онтологий с позиций фрактальной концепции. Показано, что в основе индуистской, буддийской, христианской и некоторых других религиозных и мифопоэтических картинах мира лежит фрактальная модель Бытия. Фрактальные свойства также присущи многим сакральным артефактам и произведениям древнего и современного искусства, связанным с тематикой трансцендентного. Автор предполагает, что синкретическая оптика мировидения дала древнему человеку возможность «считывать» и «конструировать» фрактальные коды космогонического порядка (природы и социума). Работа имеет междисциплинарный характер, ее методологической целью является применение теоретического инструментария digital humanities (цифровых гуманитарных наук) в культурологической рефлексии.

Ключевые слова и фразы: фрактальность; космогонические фракталы; теистическая картина мира; сакральный артефакт; религиозное искусство; концептуальный фрактал; фрактальное искусство.

Николаева Елена Валентиновна, к. культурологии, доцент*Московский государственный университет дизайна и технологии
elena_nika@bk.ru***ФРАКТАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ТЕИСТИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЙ И САКРАЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ[©]****Введение**

Понятие фрактальности пришло в гуманитарный дискурс в 1980-х гг. из новой области математики – фрактальной геометрии Б. Мандельброта [7]. Главный концепт фрактальной теории – фрактал – оказался ключом к «формульному» описанию не только сложных, нерегулярных объектов абстрактного мира (непрерывных, но дифференцируемых не в каждой точке функций) и физической реальности (береговых линий, гор, облаков), но только природных явлений (циклонов, водоворотов и т.п.), но и социокультурных (демографических, урбанистических и др.) процессов. Фрактал, как неформально определил его сам Б. Мандельброт, – это «структура, части которой в некотором смысле подобны целому» [Цит. по: 12, с. 19]. Иными словами, фрактал содержит в себе (бес)конечное число собственных копий, повторяющихся на разных масштабных уровнях, так что его часть даже весьма малого размера является точным или несколько измененным подобием целого. Действительно, самоподобие является основополагающей характеристикой фрактальной системы. Любой самоподобный фрагмент фрактальной конструкции репрезентирует целое, «разворачивая» из себя весь комплекс значений и форм, присущих собственно фракталу как некой целостности.

В зависимости от сущности системы фрактальное подобие ее элементов может проявляться геометрически (конструктивно или пространственно) или семантически (концептуально). Концептуальный фрактал предстает в виде структуры *любого* генезиса, обладающей свойствами самоподобия и масштабной инвариантности. Фрактальные паттерны одного и того же концептуального фрактала могут иметь совершенно разные планы выражения и относиться к совершенно разным категориям предметной среды и нематериальной культуры [8, с. 69-70].

Степень подобия фрактальных паттернов может изменяться от абсолютной идентичности (детерминированные фракталы) до отдаленного сходства при наличии случайных возмущений (стохастические и алеаторные фракталы).

Фракталы, как показали научные исследования в области естественных наук, представляют собой универсальные «онтологические алгоритмы» микро- и макрокосма (от дельты реки до горного массива, от электрона